

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.2

DOI: 10.17223/1998863X/48/13

Т.В. Евгеньева, В.В. Титов, С.Ю. Белоконев

МЕСТО ОБРАЗА СЛАВЯНСКОГО МИРА В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается роль концепта «славянский мир» в становлении российской идентичности. Авторы акцентируют внимание на политико-философских основаниях кристаллизации образа «славянского мира» в российском общественном сознании в XIX столетии. Проведен анализ трансформации образа «славянского мира» в политическом дискурсе современной (постсоветской) России в условиях кризиса российской национально-государственной идентичности в 1990–2000-х гг. и его частичного преодоления сегодня.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, кризис идентичности, «славянский мир», образ «своих».

Проблема формирования российской национально-государственной идентичности, её политико-культурных оснований и символов, является одной из важнейших в рамках современного проблемного поля отечественной политической науки. «Российская идентичность» во всех её измерениях стала «болевым точкой» не только политического знания, но и общественных дискуссий, так или иначе связанных с осмыслением социально-политических «судеб» России и как общества, и как геополитического образования, и как социокультурного, цивилизационного феномена.

Российская национально-государственная идентичность, под которой понимается кристаллизовавшийся в массовом сознании интегрированный образ «нас», «своих» (включающий ценностно-психологическое, темпоральное, символическое измерения), представляет собой сложный политико-психологический и социокультурный конструкт, динамика которого обусловлена как трансформацией политической системы современной России, так и более широким спектром факторов, связанных с отечественной историей и культурой [1. С. 20].

Поиск исторических оснований российской национально-государственной идентичности подразумевает неизбежность обращения к разнообразным (как по содержанию, так и по валентности) образам прошлого. Одним из таких образов прошлого – не самым масштабным, но заслуживающим внимания – является образ славянского мира и России как его системообразующей части. Сегодня указанный конструкт в значительной степени утратил свою выразительность. Тем не менее анализ места образа славянского мира в формировании российской национально-государственной идентичности представляется по-прежнему актуальным.

Зарождение идейно-политического концепта «славянский мир», его трансформация в XIX – начале XX в. были обусловлены синтезом двух разнородных факторов. Первый связан с формированием поля широкой общественно-политической дискуссии о «судьбе России», её духовном и цивилизационном «предназначении». XIX столетие становится в известной мере золотым веком не только русской культуры, но и политической философии, стремлением «просвещенного класса» – русской интеллигенции – увидеть масштабное и фундаментальное содержание «российскости» во всех её измерениях, включая попытки поиска геоисторических, ценностно-символических и религиозных начал и пределов российской цивилизации во взаимодействии с иными «культурными мирами». Прежде всего, речь шла о взаимодействии с макроразвитием «коллективного Запада», которая уже тогда воспринималась многими российскими интеллектуальными и политическими элитами в качестве конституирующего «значимого другого» (см.: [2, 3]).

Второй фактор – геополитический – вытекает из трансформации международно-политического статуса Российской империи, ставшей в рамках Венской системы международных отношений не просто одним из периферийных игроков второго порядка, а ключевым звеном «европейского концерта», одним из центров силы в рамках активно формирующейся в первой половине XIX в. биполярной конфигурации – глобального по своим масштабам российско-британского соперничества, наиболее известным отражением которого стала растянувшаяся на несколько десятилетий «битва за Азию». Под воздействием двух указанных факторов происходит заметная поляризация общественного мнения «просвещенной» России (интеллигенция плюс часть политико-административного слоя), в рамках которой концепция «славянского мира» представляет расширенный, многомерный ответ на философско-политический – ценностный и во многом онтологический – вызов со стороны «западничества».

Однако «славянский мир» XIX в. – это не только реакция на первые попытки условной вестернизации (в форме европеизации) российского общественно-политического мнения. Идеологема славянского мира и славянского братства – тем более не может рассматриваться утилитарно, как конъюнктурный конструкт, призванный оправдать геополитическую экспансию Российской империи, её историческую и моральную «правоту» в конфликтах с Османской империей и в деле освобождения «братьев-славян» (балканских народов) от турецкого владычества. Славянский мир XIX – начала XX в. – это во многом идеалистическая, внутренне противоречивая картина мирополитической реальности, опирающаяся на внушительный ценностно-символический, нравственный и отчасти мифологический фундамент. Её несомненное «конкурентное преимущество» перед двумя другими основными концептами того времени – западничеством и уже зародившимся в виде почвенничества евразийством – в наличии мощного морально-психологического стержня, квинтэссенцией которого является транслируемая на уровень «большой политики» ценность свободы в её различных преломлениях: геополитическом, культурном, религиозном. Практическое измерение такой «свободы» заключается в необходимости «освобождения» и поддержки славянских наций Восточной и, прежде всего, Южной Европы в их борьбе за национальную независимость и право самостоятельно определять собственную историческую и политическую судьбу.

Вместе с тем уязвимой стороной концептуализации славянского мира являлись избыточный идеализм указанного подхода, акцент на слабо рационализируемых «корнях», иллюзия «благодарности», которую испытывают «освобожденные» (прежде всего болгары и сербы) к «освободителям». Как известно, подобные иллюзии были достаточно жестко развеяны геополитической реальностью начала XX в.: вступлением Болгарии в Четверной союз и Первой мировой войной в целом.

То есть славянский мир, не имеющий четких границ и рациональных оснований внутренней консолидации, обозначаемый контурно и во многом иррационально, через апелляции к общим «корням», оказался привлекательным с эмоциональной точки зрения, оправдан в рамках русской религиозной философии, но аморфным именно как геополитическая схема. Задавая вектор интеллектуальных дискуссий и идеалистических устремлений части российского интеллектуального страта, дискурс славянского братства продемонстрировал свою «отвлеченность» и несостоятельность в контексте конфликтных международных практик «политического реализма» конца XIX – начала XX в.

Идеологемы славянского мира в постсоветский период: попытки актуализации

Определенная актуализация концепта славянского единства в 80-е и 90-е гг. XX в. была связана со стремлением руководства «позднего» СССР, а затем и России найти новое основание для сохранения остатков собственного культурного и политического влияния в странах Восточной Европы. Параллельно с этим в самой России развивался и нарастал всеобъемлющий кризис национально-государственной идентичности, способствовавший превращению социума в поле не только политических («коммунисты», «демократы», «либералы», «красно-коричневые» и т.д.), но и многочисленных ценностно-смысловых конфликтов. Эти конфликты знаменовали собой как всеобъемлющий коллапс механизмов государственного управления социальными процессами, так и глубокие изменения в сознании людей на уровне первичных – онтологических – ценностей («хорошо» и «плохо» резко поменялись местами не только в политике, но и в быту) [4. С. 126–127].

На место восприятия собственного «Я» в контексте «большого» политического мира («мой адрес Советский Союз») приходили локальные, во многом архаические и мифологические по своему содержанию сюжеты и усиленный поиск «чужих среди своих» (см.: [5, 6]). Своеобразными бытовыми символами «сжатия» социального пространства россиян в начале 1990-х гг. стали железные двери и решетки на окнах, демонстрирующие симбиоз страха и желания отгородиться как от «большой политики», так и от традиционных пространств повседневности. В этих условиях апелляции к славянскому единству и тем более братству до середины 1990-х гг. воспринимались как экзотические проявления традиционализма во всем многообразии его звучаний: от советской реставрации до набиравших силу неоимперских концептов.

В этот период в массовом сознании актуализируются мифологические элементы образа славянской принадлежности российской нации, играющие роль своеобразной компенсации разрушения многих привычных форм самоидентификации (советской, социалистической или еще недостаточно популярной православной). До сегодняшнего дня сохраняется и периодически активи-

зируется деятельность (прежде всего в виртуальном пространстве сети Интернет) так называемых славянских неоязычников, позиционирующих себя в качестве наследников древней славянской традиции, конструирующих и продвигающих символы и ритуалы, многие из которых имеют искусственное происхождение. Впоследствии в ряде случаев интересы этих сообществ (часть из них используют самоназвание «родноверы», противопоставляя себя «завезенным» религиям, к которым относят христианство) смыкаются с интересами различных националистических политических организаций (см.: [7]).

Одновременно получает быстрое развитие одно из направлений литературы – фэнтези, опирающееся на систему образов, прямо или косвенно связанных с образами славянской мифологии. Эти образы будут впоследствии положены в основание своеобразной «альтернативной» истории, построенной по модели героического мифа и сегодня пользующейся популярностью в массовом сознании.

Определенные, хотя и незначительные изменения, вызвавшие частичную актуализацию идеи «славянского мира» в её предельно редуцированном виде, произошли в середине 1990-х гг. на волне «сближения» России и Беларуси вскоре после прихода к власти А. Лукашенко (1994 г.). Однако ограниченность мобилизационного потенциала «славянской идеи» проявилась и здесь. С одной стороны, сторонники единства «братских славянских народов» рассматривали гипотетическое российско-белорусское «ССР» (Содружество суверенных республик) как социально-ретроспективный паллиатив, симулякр «настоящего» СССР. С другой стороны, и для Москвы и для Минска проект изначально носил во многом конъюнктурный характер, определяемый стремлением сыграть на чувствах ностальгирующих сегментов общества (старшие поколения, «бюджетники», условная «интеллигенция» и т.п.).

Однако можно отметить, что, хотя идея «славянского братства» и не стала сколько-нибудь заметным элементом российского политического дискурса 1990–2000-х гг., она оставила после себя определенное мемориальное наследие (например, учрежденный в этот период День дружбы и единения славян, частично сохранивший свое значение в пограничных регионах в рамках существования Союзного государства России и Белоруссии, День славянской письменности и культуры, учрежденный еще в 1985 г. по инициативе писателей-«почвенников» и постепенно приобретающий все более религиозное содержание). Сегодня проведение этих праздников часто носит инерционный характер, смысл их не всегда понятен представителям молодого поколения, которые воспринимают их как некий «экзотический» продукт. Ситуативные упоминания «славянского братства» в связи с описанием русско-турецких войн XIX в. в современных российских учебниках отечественной истории поддерживает это представление, формируя ассоциацию образа славянского мира исключительно с определенными историческими событиями «далекого» прошлого.

Можно сделать вывод, что в 1990-х – начале 2000-х гг. образ славянского мира стал одним из элементов забытых ныне проектов, предлагавшихся отдельными политиками, политологами и политическими философами, которые можно было бы противопоставить ориентированной на западные либеральные ценности политике руководства России. В политической науке и публицистике подобные идеи сегодня носят в целом маргинальный характер.

Дискурс славянского мира в современной России: официальная риторика vs поиск новых смыслов

Противоречивость социально-политического процесса в современной России (2000–2010-е гг.) вновь поставила на повестку дня проблему «цивилизационного выбора», поиска «магистрального» (а вместе с ним и «запасного», альтернативного) пути развития российской государственности в XXI в. Парадоксальным образом произошло критическое наложение экономического роста «счастливых нулевых», увеличения национального благосостояния на столь же очевидный рост эмоциональной неудовлетворенности общества от отсутствия ясной культурно-исторической перспективы, непонимания императивов развития России во всех её ипостасях: и как государственной традиции, и как социума, и как цивилизации, обращенной во внешний мир.

В 2000-е гг. коллективный образ российского будущего оказался консолидирован ситуационно, в краткосрочной перспективе, на основе понимания того, что «назад дороги нет», на идее двух «невозвращений»: невозможности вернуться в советское «вчера» и нежелания возвращаться в «лихие 90-е». Естественно, императив «запрета на вчера» еще более обострял запрос на «завтра», в том числе в его метаполитическом измерении [8. С. 87–90]. Такой запрос, в частности, ярко проявился и в ожидании «постпутинской эпохи» и в слабо рационализируемом желании коренных, а не локальных и декоративных, социально-политических перемен, что вылилось в том числе и в имитационное по своей сути «болотное движение» в 2011–2012 гг. (т.е. «революция норковых шуб» оказалась «бунтом бессмысленным», но, к счастью, далеко не беспощадным). В этот период реанимируются многочисленные «проекты будущего», призванные вновь ответить на вопрос «как нам обустроить Россию?».

Естественно, концепт славянского мира, забытый в 2000-е гг., вновь оказался востребован, по крайней мере частью «игроков» российского политикума, и таким образом вернулся в общественный и научный дискурс [9. С. 3–5].

Первый аспект упоминаний славянского мира в конце 2000-х–2010-х гг. был связан с желанием российской власти реанимировать «братство» трех «славянских народов» в условиях критического ухудшения отношений с Украиной и резкого охлаждения в отношениях с Белоруссией. Здесь важно отметить, что славянский мир как идеологический конструкт для «сближения» с этими странами носил *вспомогательный, компенсирующий характер* и был призван нивелировать слабости и очевидный экспансионистский геокультурный импульс идеологемы «русский мир». Славянский мир был своеобразным политико-технологическим «полуфабрикатом», замороженным до определенного времени, но призванным, при необходимости, играть роль квазидуховного компромисса для «молчаливого большинства» украинцев и части белорусов, желающих жить по европейским меркам и стандартам потребления и в то же время не готовых к полномасштабному разрыву с Россией. А во многих случаях он выступал и эвфемизмом русского мира, его «расширенным толкованием», направленным на «смягчение» последнего в целях более позитивного продвижения образа России в информационных пространствах бывших «братских» республик.

Евромайдан 2013–2014 гг. также был интерпретирован частью руководства России через призму искусственного разрушения «славянского мира» его противниками, как попытка спровоцировать искусственную ссору «двух славянских народов». Как заявила председатель Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко, целью организаторов «майдана» было «не только создать сложности политическому руководству России и Украины, сорвать наше экономическое сотрудничество, но и вбить клин между людьми, разделить на «хохлов» и «москалей», которые будут ненавидеть друг друга. Это давняя мечта – оторвать Украину от России...» [10].

Второй ракурс медийного развития концепта «славянский мир» предельно прагматический и утилитарный. Он вытекает из логики сложных отношений России со странами Восточной Европы, в том числе в контексте энергетических интересов РФ на европейском рынке. В частности, он проявил себя в ходе российско-болгарского диалога по поводу строительства «Южного потока» или отказа от него. Комментируя отказ Болгарии от строительства «Южного потока», журналист М. Соколов ставит неутешительный диагноз идеологии «славянского мира»: «В сентябре 1870 года, когда на Западе рождался Второй рейх, Ф.И. Тютчев в своих панславистских мечтаниях возглашал: «Славянский мир, сомкнись тесней... // «Единство, – возвестил оракул наших дней, – // Быть может спаяно железом лишь и кровью...» // Но мы попробуем спаять его любовью – // А там увидим, что прочней...». Эксперименты с целью выяснить, что прочней, продолжались без малого полтора века и закончились в общем-то неудачно» [11].

Утилитарность и слабость концепции славянского мира образца 2010-х гг. иллюстрирует Б. Туманов: «Вот Сербия сейчас мечется, не знает, что делать. Евросоюз давит на нее, чтобы она ввела санкции. Сербы бьют себя кулаками в грудь и кричат: «Никогда против славянских братьев наших старших!» А педагогический смысл этого заключается в следующем: «Ребята, нас вынудили прекратить строительство „Южного потока“. Разумеется, бедная Болгария была вынуждена это делать. Сербия подчиняется давлению или не подчиняется, но давление есть. Во всех ваших возможных бедах, о которых мы глубоко сожалеем, конечно, вините Европейский союз. Это они, руководствуясь своей врожденной, генетической русофобией, довели отношения братских славянских народов до такого ужаса. Так что делайте выводы сами» [12].

Сегодня концепт славянского мира находится на периферии официального дискурса власти (уступая пальму первенства полуофициальной идеологии русского мира). К середине 2010-х гг., после событий Евромайдана и начала войны в Донбассе (которая на Западе была интерпретирована как агрессия России против Украины и нанесла тяжелый удар даже по идее русского мира, не говоря уже о каком-либо «славянском» единстве), он оказался по существу маргинализован и окончательно приватизирован политическими игроками «третьего уровня», не оказывающими сколько-нибудь значительного влияния на общественную жизнь России. Дискурс «панславизма» периодически продолжает использоваться рядом не самых крупных и популярных провластных движений для эффектного самопозиционирования и решения утилитарных задач. Например, в 2016 г. байк-движение «Ночные волки» получило президентский грант для НКО (в размере 3,1 млн руб.), направленный на поддержку проекта «Славянский мир», который заключает-

ся в мотоциклетных и автомобильных паломничествах, направленных на единение братских славянских народов путем общественной дипломатии.

Показательно, что, комментируя цель мотопробега «Славянский мир-2018», один из лидеров движения «Ночные волки» Е. Строгов указал, что «мероприятие направлено на реализацию славянской культуры и истории, пропаганду *христианских общечеловеческих ценностей*» [13]. Такая интерпретация «славянского мира» вызывает двойственное отношение. С одной стороны, вполне обоснованно и оправданно стремление рассматривать его как культурно-субъектное поле мира христианского, весомую часть христианской цивилизации во всем многообразии её исторических проявлений и нюансов. С другой стороны, обращение к «общечеловеческим» ценностям говорит об известной смысловой пустоте концепта славянского мира в его современном содержании, в ситуации, когда принадлежность к славянству не является сколько-нибудь определяющим фактором и, более того, не связана с общностью исторических судеб и выступает лишь этногенетическим артефактом.

Тем не менее в такой широкой интерпретации идея «славянского мира» кардинально видоизменяется и становится для части российских элит своеобразным психологическим «окном в Европу» через обращение к единству христианских (не православных!) ценностей. Это положение выглядит особенно интересным в свете свершившегося раскола внутри православия, наметившегося сближения РПЦ с Ватиканом и «христианского ренессанса» в Европе как ответа на все более явный миграционный коллапс и «ползучую» исламизацию ЕС (см.: [14]).

Славянские народы, веками враждующие друг с другом (наиболее яркий пример – российско-польские отношения) и продолжающие конфликтовать между собой в начале третьего тысячелетия, принадлежащие к разным религиозным ветвям христианства, оказываются живым историческим и политическим свидетельством эфемерности «славянского мира» во всех его измерениях, кроме ностальгической метафоры о золотом веке, который никогда не наступал (хотя и был «так возможен, так близок» в конце века XIX).

Выводы: перспективы ренессанса концепции славянского мира

Проведенный анализ концепции славянского мира, её современного состояния не является исчерпывающим, но всё же позволяет выявить ряд значимых тенденций и сказать несколько слов о перспективах возвращения славянского мира в некий «концептуальный пантеон», социально-политический дискурс, вокруг которого могла бы строиться российская национально-государственная идентичность в XXI столетии. Говоря о перспективах такого ценностно-смыслового ренессанса, важно отметить следующее.

Во-первых, очевидно, что само понятие «славянский мир» на протяжении всего времени его интеллектуальной эксплуатации носило и носит метафорический характер, является в большей степени прообразом цивилизационного «рая на земле», не имеющим внутреннего культурного и тем более геополитического стержня. Обращение к «славянским корням» работает, как правило, в двух противоположных случаях: либо как предельно прагматичная технология политического манипулирования, либо в контексте «чистых»,

лишенных каких-либо рациональных оснований политико-философских построений.

Во-вторых, очевидно, что в России в последние полтора столетия интерес к «славянскому миру» возрастает в условиях кризиса национально-государственной идентичности, фактического распада социокультурного пространства российской государственности, что порождает попытки – причем спорадические – найти новую идеологическую «точку опоры», переформатировать «ось истории» государства Российского. Так было и в конце XIX – начале XX в., и на рубеже XX–XXI столетий. В обоих исторических случаях «эксперимент» оказался неудачным – российская национально-государственная идентичность реконструировалась, воссоздавалась заново вокруг принципиально иных ценностно-символических оснований.

В-третьих, на рубеже 2000–2010-х гг. концепт «славянского мира» в его эмоциональном измерении был частично актуализирован по инициативе действующей российской власти. Он рассматривался как выполняющий вспомогательную функцию элемент продвижения идеологии «русского мира», призванный обосновать геополитические притязания России на постсоветском пространстве (прежде всего, на выстраивание «особых» отношений с Украиной и Белоруссией). Однако вскоре, после событий 2013–2014 гг. на Украине («евромайдана»), образ «славянского мира» вновь потерял свою и без того крайне ограниченную ценностную, смысловую и символическую значимость во внутрироссийском политическом пространстве.

Литература

1. Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М., 2017. 184 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. 576 с.
3. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 2006. 573 с.
4. Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 122–134.
5. Евгеньева Т.В. Архаическая мифология в современной политической культуре // Полиция. 1999. № 1. С. 33–47.
6. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Картирование» славянского мира как воображаемый конструкт // Русин. 2016. № 4 (46). С. 56–72.
7. Кавыкин О.И. «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М., 2007. 232 с.
8. Бушуев В.В., Титов В.В. Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в её формировании (теоретико-методологический анализ) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. № 4. С. 77–93.
9. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Slavia Christiana – конструкт славянского единства // Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси : материалы XXV Духовно-исторических чтений памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия. Томск, 2016. С. 3–8.
10. Матвиенко: целью Евромайдана была ссора двух славянских народов [Электронный ресурс] // Вести.RU : сетевое издание. Электрон. дан. М., 2014. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2080451> (дата обращения: 26.12.2018).
11. Соколов М. Никогда мы не будем братушками [Электронный ресурс] // Известия / iz.ru : сайт. Электрон. дан. М., 2014. URL: <https://iz.ru/news/580183> (дата обращения: 23.12.2018).
12. Почему иссяк «Южный поток»? [Электронный ресурс] // Радио Свобода : сайт. Электрон. дан. М., 2014. URL: <https://www.svoboda.org/a/26721432.html> (дата обращения: 03.01.2019).
13. Участники стартующего в Москве мотопробега «Славянский мир-2018» преодолеют 8,5 тыс. км [Электронный ресурс] // Рамблер: медийный портал. Электрон. дан. М., 2018. URL: <https://news.rambler.ru/person/strogov-evgeniy/> (дата обращения: 14.11.2018).
14. Cardini F. Europa e Islam. Storia di un malinteso. Roma, 1999.

Tatiana V. Evgenieva, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

E-mail: etv133@mail.ru

Viktor V. Titov, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

E-mail: VVTitov@fa.ru

Sergey Yu. Belokonev, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 48. pp. 135–144.

DOI: 10.17223/1998863X/48/13

THE PLACE OF THE “SLAVIC WORLD” IMAGE IN THE FORMATION OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN IDENTITY

Keywords: national-state identity, crisis of identity, “Slavic world”, image of “ours”.

The article is devoted to the role of the image of the “Slavic world” in the formation of the Russian national-state identity, which is characterized as an integrated image of “us”, “ours” crystallized in mass consciousness (including the axiological, temporal, symbolic dimensions). This image is a complex politico-psychological and socio-cultural construct, dynamics of which is due to both the transformation of the political system of modern Russia and a wide complex of factors related to Russian history and culture. Initially, the authors pay attention to the construction of the idea of the “Slavic world” in the 19th century, which was built on the imperative of the “unity of the Slavic peoples”. At the same time, the then image of the “Slavic world” can be considered as an emotional construct very weakly associated with geopolitical realities. The second part of the article is devoted to the revival of the problems of the “Slavic world” in the 1990s – early 2000s, which was associated with the collapse of the USSR and the crisis of the national-state identity in the “new Russia”, the destruction of the fundamental values of society, images of the past and the future. It was then that the Russian political elites periodically appealed to the idea of “Slavic unity” for tactic goals (for example, attempts to create a “union state” with Belarus at the end of the 1990s and the beginning of the 2000s). Analyzing the contemporary place of the “Slavic world” in Russian political discourse, the authors note that the events of 2013–2018 (“Euromaidan”, conflict in the Donbas, crisis in relations with Belarus) outlined its peripheral nature. They also demonstrate the extreme amorphousness and cognitive poverty of the “image of the Slavic world” in the political consciousness of Russian citizens. Discussing the perspectives for the actualization of the concept of the “Slavic world” in Russian political discourse, the authors note that in Russia interest in “Slavic unity” increases in the conditions of the crisis of the national-state identity. However, the historical experience of the past century and a half shows that the integration potential of the image of the “Slavic world” is not enough to act as a “restructuring point” for the Russian national-state identity.

References

1. Titov, V.V. (2017) *Politika pamyati i formirovanie natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti: rossiyskiy opyt i novye tendentsii* [The policy of memory and the formation of national-state identity: the Russian experience and new trends]. Moscow: Vash format.
2. Danilevsky, N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
3. Leontiev, K.N. (2006) *Vizantizm i slavyanstvo* [Byzantium and Slavism]. Moscow: AST.
4. Evgenieva, T.V. & Titov, V.V. (2010) *Formirovanie natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti rossiyskoy molodezhi* [Formation of the national-state identity of the Russian youth]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political studies*. 4. pp. 122–134.
5. Evgenieva, T.V. (1999) *Arkhaicheskaya mifologiya v sovremennoy politicheskoy kul'ture* [Archaic mythology in modern political culture]. *Politiya – Politeia*. 1. pp. 33–47.
6. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2016) “Charting” Slavdom as an Imaginary Construct. *Rusin*. 4(46). pp. 56–72. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/5
7. Kavykin, O.I. (2007) “Rodnovery”. *Samoidentifikatsiya neoyazychnikov v sovremennoy Rossii* [“Rodnovery”. Self-identification of neo-pagans in modern Russia]. Moscow: RAS.
8. Bushuev, V.V. & Titov, V.V. (2011) *Natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' v sovremennoy mire i rol' istoricheskoy politiki v ee formirovanii* (teoretiko-metodologicheskii analiz)

[National-state identity in the modern world and the role of historical politics in its formation (theoretical and methodological analysis)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya*. 4. pp. 77–93.

9. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2016) *Slavia Christiana – konstrukt slavyanskogo edinstva* [Slavia Christiana – a construct of Slavic unity]. *Knyaz' Vladimir. Tsivilizatsionnyy vybor Rusi* [Prince Vladimir. The Civilizational Choice of Russia]. Proc. of the 25th Spiritual and Historical Reading in the Memory of Cyril and Methodius. Tomsk. pp. 3–8.

10. Matvienko, V. (2014) *Tsel'yu Evromaydana byla ssora dvukh slavyanskikh narodov* [The Euromaidan aimed at a quarrel between two Slavic peoples]. [Online] Available from: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2080451>. (Accessed: 26th December 2018).

11. Sokolov, M. (2014) *Nikogda my ne budem bratushkami* [Never We Will Be Brothers]. [Online] Available from: <https://iz.ru/news/580183>. (Accessed: 23rd December 2018).

12. Kara-Murza, V. (2014) *Pochemu issyak "Yuzhnyy potok"?* [Why has the South Stream dried up?]. [Online] Available from: <https://www.svoboda.org/a/26721432.html>. (Accessed: 3rd January 2019).

13. Rambler.ru. (2018) *Uchastniki startuyushchego v Moskve motoprobeга "Slavyanskiy mir-2018" preodolelyut 8,5 tys. km* [Participants of the "Slavic World-2018" motor race starting in Moscow will overcome 8.5 thousand km]. [Online] Available from: <https://news.rambler.ru/person/strogov-evgeniy/>. (Accessed: 14th November 2018).

14. Cardini, F. (1999) *Europa e Islam. Storia di un malinteso*. Rome: Laterza.